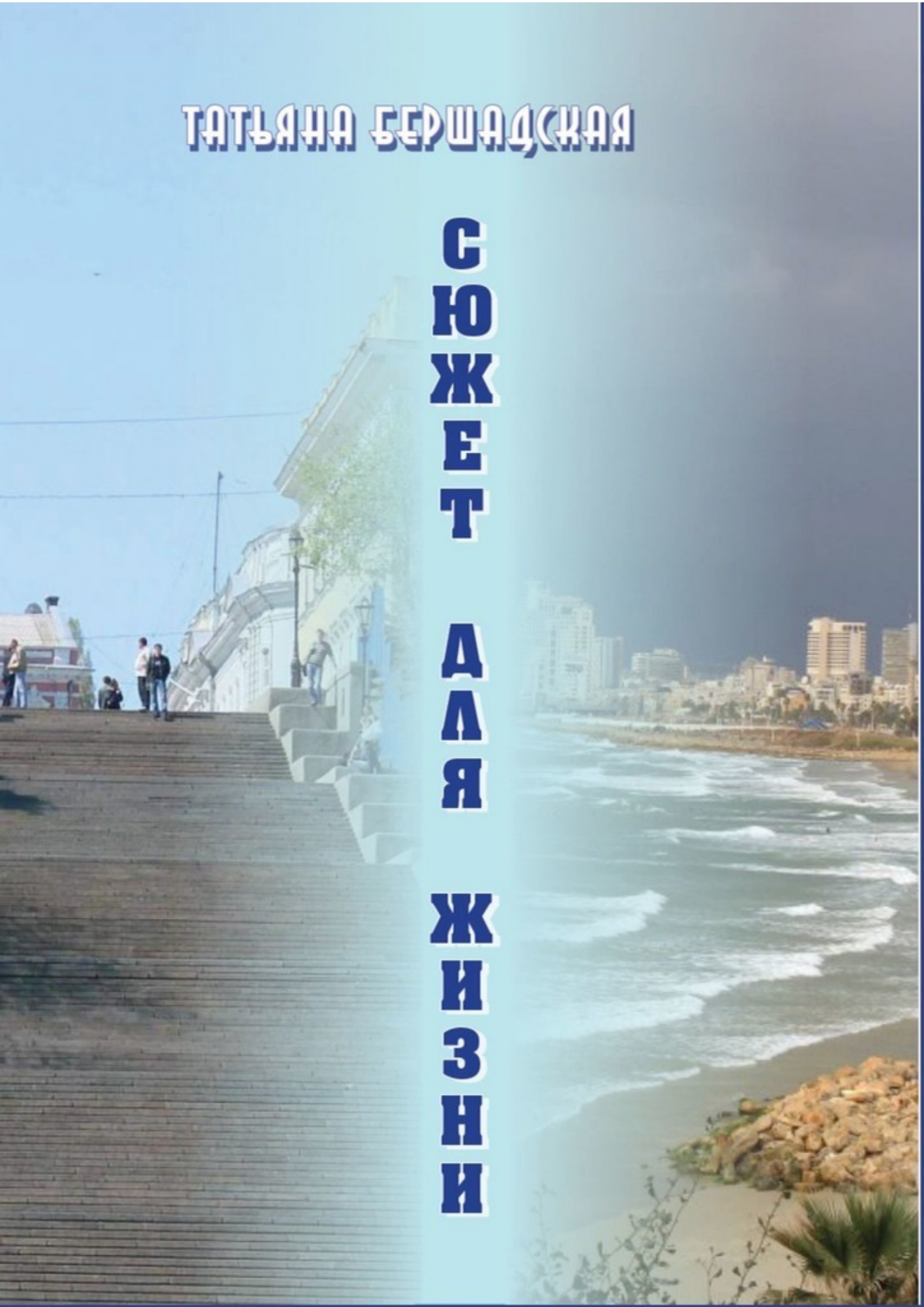

ТАТЬЯНА БЕРШАДСКАЯ

**С
Ю
Ж
Е
Т**

**Д
Л
Я**

**Ж
И
З
Н
И**

Татьяна Бершадская

Сюжет для жизни

«Издательские решения»

Бершадская Т.

Сюжет для жизни / Т. Бершадская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962289-1

О чём этот роман? О тайнах женской души, о сложных характерах и непредсказуемых отношениях? Да! Об удивительных повседневных событиях и великих незаметных переменах? Конечно! О любви и дружбе, верности и совести, о радости и горе? Несомненно! Но главное — он о тех незримых колдовских нитях, которые соединяют близкие души и притягивают дальние. Назовите их симпатией, назовите их влечением, назовите их любовью, привлечите их в свою жизнь — и вы безусловно будете правы. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962289-1

© Бершадская Т.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сюжет для жизни

Татьяна Бершадская

© Татьяна Бершадская, 2019

ISBN 978-5-4496-2289-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Предисловия писать никто не любит, а еще меньше любят читать (хотя это вопрос спорный!). Но это обязательная программа, которую надо выполнить. Итак...

Родилась, росла, училась, любила и выходила замуж в условиях недоразвитого социализма, который благополучно рухнул, прожив 72 года, и этим закончив колебания еврейской части населения бывшего СССР насчет «ехать-не ехать». Я досидела до 1995 года и с первыми журавлям, курлыкая и оглядываясь назад, снялась с места. В сентябре мы прибыли в Израиль. Про «здесь» могу сказать, что жила и выживала, много чего происходило... Здесь в мае этого года вышла моя первая книга «Снято! Всем спасибо». Кому будет интересно – могут прочитать. Думаю, интересно будет многим, потому что книжка реально продолжает продаваться, и меня это радует! Про новую книгу ничего особенного... Жизнь одной, отдельно взятой женщины с семьей до и после приезда в Израиль. Короче, «пражизнь». Встретимся на страницах книги.

Ваша Татьяна Бершадская

Глава 1

Темно. Будильник далеко, а чтобы его заткнуть, надо встать. Если встать сейчас, можно не спеша собраться на работу. И на кофе с сигареткой времени хватит. Вставать, однако, не хотелось, а будильник просто разрывался от звона. Ладно, пусть... А все-таки, гад, достал... О работе думать тошно. С утра у нее всегда такое настроение – себя жалко до соплей. И вообще, не пошли бы вы все!..

А вот и телефон. Она схватила трубку: «Критическое время, – сказали оттуда, – критическое время, критическое время», – попугайский голос не унимался.

– Щищё пт мнут, – пробормотала она. Ровно через пять минут беспощадный попугай сообщил, что время вышло.

Вот тогда она вскочила, как из-под плётки, заметалась, разрушая порядок в шкафу, выдергивая одежду из аккуратных стопок.

– Всегда одно и то же, – подумала. – Всё в последнюю минуту. А... потому что в башке порядка нет и вокруг тоже. Всё от замусоренной головы. Надо попросить Данку звонить на десять минут раньше. Если это поможет... Или... раньше ложиться – всё это лихорадочно проносилось в голове. И уже, понятно, времени на кофе не оставалось, не говоря о сигарете. Где свитер? Чёрт! Бойлер надо выключить. Или включить? Какой бардак! Господи, никогда времени не хватает! Ни на что!

Наконец, она выскочила из дому и сразу успокоилась: ритуал соблюден – только так она и умела начинать день. Ну, не получалось у нее по-другому. Она про себя всё знала; ей, вроде, что-то хорошее само в руки падает, а они вечно растопырены от спешки или недоумения, ну и валится всё мимо. А ещё она подозревала, что окружающие воспринимают её совсем иначе, чем она себя – лучше, что ли... А она для себя пальцем не шевельнет от лени. «Обойдусь», – это её словечко страшно бесит некоторых близких и не очень. Она всерьез считает, что без многого вполне можно обойтись. И обходится, и не утверждает, что это хорошо. Это, может быть, и вовсе плохо. Но парадокс состоит в том, что правильное отношение к реальному течению жизни в ней прекрасно уживается с непобедимой ленью по отношению к себе. Ну, не так, чтоб она уж вообще отказывалась от разнообразных благ, но... Если их надо добиваться, то лучше – нет, я в сторонке тут покурю покуда... Так и с деньгами – больших денег у нее нет. И не будет никогда. Они чувствуют, кто их любит, к тому и идут.

«А я, как ворона с сыром – даже то, что есть удержать не могу. А уж приумножить...»

Она стояла на светофоре и мрачно думала, что вот сейчас стУпит на дорогу, а тут машина вывернет, откуда ни возьмись. И всё... Или автобус, которым она ездит на работу, взорвется с очередным шахидом-камикадзе, а заодно и со всеми пассажирами. Никто не знает, как его жизнью там, наверху, распорядятся.

«Ну, ты идиотка! – сказала она себе. – Из-за твоих кретинских фантазий всё у тебя вкривь и вкось. Дура, ну просто дура полоумная!»

Пора уже представить эту заполошную дамочку: зовут её Маня.

«Это имя – твоя суть», – утверждает Манина подруга Дана. А Дана знает, что говорит.

Несколько лет назад она забрела в Манин книжный магазин, в поисках то ли анатомического атласа, то ли книг по компьютерам. Такой стати и красоты женщина давно Мане не встречалась, и она обомлела. Тут, в окрестностях, всё больше юркие, смуглые, мелкие или наоборот – тучные, громкие, бесцеремонные аборигенки. А если и разбавлены «русскими», то они тоже косят под местных или уж так отличаются, будто никуда не уезжали со своих малых рОдин, и так и ходят в ядовитых расцветок кримпленях, сверкая золотом и железом искусственных зубов и вышагивая по плавящемуся асфальту в лаковых туфлях на подламывающихся каблуках. Маня понимала, что её кто-то тоже видит глазами соотечественника, совет-

ского, разумеется, и безошибочно угадывает в ней эту родственность, навязанную по факту рождения. Но ей это было «до фиолетовой звезды» – как и что о ней думают. Она для себя самой была одной из функций собственного организма – рабочей. Вот так себя и позиционировала – «рабочая лошадь».

И правильно она себя определяла, потому что был сын-подросток с его учёбой, а больше неучёбой, шалопайством, добрым и доверчивым, но по-бараньи упёртым характером, муж-алкоголик с постоянной проблемой работы, потому что его запои ни один наниматель терпеть не собирался. Его гнали отовсюду и он, в гордыне и обиде на несправедливость мира лично к нему, прочно укладывался на диван и предоставлял Мане эксклюзивное право на труд, а равно и на обихаживание себя, люмпена, отвергаемого бездушным миром капитала.

Так она и крутилась. Она растолстела и ходила, как утка, переваливаясь. Так когда-то ходила ее одесская бабушка, а Маня над ней смеялась в глаза и говорила: «Утя-утя-утя... Бабуль, ходи ровно, а то упадешь!»! Бабушка от этих слов на секунду выпрямлялась, но ей было очень трудно держать спину, и она снова начинала раскачиваться, а Маню это страшно раздражало. Жестокая она была девочка, сарказм и некоторый цинизм всегда были наготове для тех, кто попадался под руку. А сейчас – толстая тётка в чём-то невнятно сером, сама стала похожа на свою 65-летнюю бабушку. Надо было что-то делать, возвращать себя прежнюю – лёгкую и быструю. Но... лень для себя. Нужен был мощный стимул, чтобы закрутилось быстрее колесо её жизни и перестало, наконец, скрипеть.

Искать приключения на свою голову, в робкой надежде наткнуться случайно на мужчину-мечту? Так ведь сама ни для кого давно уже не мечта.

Глава 2

На работу Маня не опоздала, а если бы и опоздала – ну, что ж, ей уже давно было это безразлично. Она, после того как продала свой книжный магазин, устроилась в частный детский сад, но тоже не сразу. И вот, пока она ещё с деньгами от продажи магазина, но уже без мужа, от которого попросту сбежала с сыном и кошкой, на подъеме от необязательности искать работу, жила у Даны с её двумя сыновьями, – вот то время она считала самым счастливым. Они прожили вместе больше года. Сын был с ней, начал к учёбе относиться серьезнее – всё-таки пятнадцать лет парню, Данкины сыновья от разных мужей тоже очень разные и друг с другом не очень-то ладили. Манин Кирюша ближе был к Илье, старшему Данкиному сыну. Зато младший Данкин сынок всем давал прикурить – то с компанией свяжется какой-то «левой», то в школе неделями не появляется. В общем, весёлая была жизнь.

Муж всё пытался Маню вернуть в лоно семьи, но не преуспел, потому что, во-первых, сразу после её бегства повел себя как жлоб – начал угрожать, руку на неё пытался поднять. Короткая память у мужичка, а ведь дважды оказывался в тюрьме по пьяному делу. И эту «радость» устроила ему Маня оба раза. Первый раз за то, что пьяный посмел её ударить, а второй – потому что ночью ломился в дверь и орал, что он её убьет, как только выломает дверь. Маня хотела позвонить в полицию, но телефонный шнур, как оказалось, был перерезан, и ясно кем. И тогда она стала кричать соседям из дома напротив, чтобы вызвали полицию. Соседи откликнулись и с удовольствием выполнили просьбу «русии». Полиция явилась. Мужчина-полицейский был русскоговорящий, быстренько всё понял, на дебошира надели наручники, Маня подписала бумагу на «поселение» благоверного в Абу Кабир, и в течение трех месяцев жила относительно спокойно, потому что мужу нельзя было приближаться к ней даже на улице, не говоря уже о доме. Потом он вернулся ненадолго; они не общались, а Кирилла Маня, от греха подальше, отправила к своим родителям на Север, благо – были летние каникулы.

А потом муж нашел работу и поселился там же, над столярной мастерской, с какими-то гастарбайтерами, и жил там, пока снова не сорвался. К Мане он вернуться не решился, а скитался в Тель-Авиве с бомжами, и вся эта его «джеклондоновская» эпопея была Мане позже рассказана в стиле тюремного шансона со слезой. Можно сказать, почти спета...

Муж – с перепугу ли, а может, что-то поняв наконец, на два года завязал с пьянкой, и Маня снова его приняла. Ах, какая ты наивная дурочка, Маня, ведь ты же знаешь, что бывших алкоголиков не бывает. Он сбитый летчик, всё!

Но генетический код старой родины в Мане укоренен был крепко – спасать, жалеть, верить. Всё это взывало и призывало к великодушию. Она, будучи этнической еврейкой, всё-таки была русской бабой. Да и где было проявляться национальному самосознанию, когда папа – офицер СА, и вечные переезды с места на место по российским глубинкам, закрытая гарнизонная жизнь. Когда все в форме, все одинаковые и «если радость на всех одна, то и беда одна», то и неоткуда взяться ощущению своей инакости, если не напомним. Бывало, конечно, напоминали, но как-то не массово. Уже много позже, «на гражданке», она услышала это лохматое оголтелое слово «жидовка», и потом ещё не раз оно летело камнем ей в спину. Это потом, когда она, в первый год после школы, сдав все экзамены в Ленинградский университет на факультет журналистики и зная на сто процентов, что поступит (а как иначе, если все четыре экзамена сданы на «отлично»?), не увидела себя в списках поступивших, и её папе деликатно объяснили про один процент, она поняла, что что-то здесь не так, что существует грань, которую не переступить. И тогда она в первый раз серьезно задумалась, и невольно стала вести реестр неудач из-за своей «нетитульной» национальности и делить людей на евреев и русских, евреев и украинцев, но внутри себя (вот ведь, действительно, «дым отечества») никакого

еврейства так и не ощутила. Язык – русский, самосознание русское, друзья тоже не по пятому пункту случались, а по сердечной привязанности. И среди её друзей как раз не было антисемитов априори. Везло ей на друзей. Да и мальчики, которым она нравилась, были всё больше славянского происхождения. У неё даже и не складывалось с «аидише ингелах». Какие-то все они были без огня, что ли, очень замороченные семейными правилами, такие, в основном, мамини сынки. Не Маккавеи, нет... Они от Мани тоже шарахались. Ну не было в ней этой полусонной туповатости и покорности, готовности по маминому настоянию выйти замуж хоть за кого, потому что уже вот-вот – и перезреет, а мальчик из хорошей семьи, у них дом – полная чаша, так что скажи спасибо, что тебя пока ещё берут. Вот этого всего в Мане не было. Она замуж не спешила, училась в институте, работала, и некогда ей было всерьез думать о замужестве.

В это время у нее появился Макс. Он был «суржик», как говорили в Одессе, полукровка. Мама у Макса была русской, и вот от неё ему передалась способность любить как-то наотмашь. Бунт в нём был и характер, и главное, что Маня ценила в мужчинах – ум и снисходительность.

Макс учился в Одесском политехе, выступал за сборную по тяжелой атлетике – тягал штангу. Был он высок и... нереально красив. Маня так до конца и не привыкла к нему, всё ей казалось, что она его по ошибке получила, тем более что мужская красота не входила в список Маниных приоритетов.

Четыре года счастья закончились больно и несправедливо. Макс заболел как-то внезапно, обнаружилась опухоль в голове и всё покатило куда-то не в ту сторону. Врачи, анализы, больницы, потом институт Бурденко в Москве, операция. Маня не могла поехать с ним в Москву – сдавала сессию. Родители Макса Маню любили, и всем ясно было, что в будущем Маня с Максом обязательно поженятся. Это даже не обсуждалось. Манин папа к тому времени уже вышел в отставку и вся семья переехала в Одессу. Макса они не жаловали, но ничего категорически не запрещали. Ещё бы! Маня уже давно была отдельной от них. Она уехала к бабушке, когда папа ещё служил, и прожила без родителей несколько лет. Их влияние даже не было формальным, а бабушка – она и есть бабушка. Ей как раз Макс нравился, только не нравилось, что Маня так в эту любовь погрузилась вся, без остатка. Бабушка с удовольствием принимала Макса, пекла свои замечательные штрудели с яблоками и вишнями, радовалась, когда он всё съедал и просил добавки.

Но грянула беда, и бабушка объединилась с Маниными родителями. Они вместе забили тревогу; ну как же, ведь это теперь был «некондиционный» молодой человек.

Бабушка сказала:

– Ты хочешь иметь инвалида? Он же теперь... Всё уже...

– О чем ты, ба? – спросила Маня. – Я его люблю.

– Любовь хороша, когда муж здоров. Люби, мэйделе, но о будущем думай. Макс не будущее, а обуза.

Маня тогда даже и плакать не могла и боялась подумать о главном. А главное состояло в том, что врачи сказали родителям Макса: «Хотите сына спасти – уезжайте за границу. Ему нужно очень серьезное лечение и наблюдение в течение нескольких лет. У нас нет соответствующей аппаратуры, а там ему помогут и на ноги поставят». И все очень быстро закрутилось. Оформлялись документы, платились за каждую малую бумажку совсем немалые деньги – лишь бы ускорить отъезд. И тогда родители Макса решили поговорить с родителями Мани, чтобы забрать её с собой. И тут Манина бабушка начала плести поистине маккиавелиевские интриги! Она поехала к родителям Макса и уговаривала их сказать Мане, чтобы она оставила их сына в покое, на что мама Макса ответила очень красноречиво – распахнула дверь и указала бабушке на выход.

Но ничего все равно не вышло. Манины родители и слышать не хотели ни о каком отъезде дочери. Папа состоял в партии и еще не отошел от «предательства» брата, уехавшего в Австрию в начале 70-х. А тут дочь!

Макс после больницы, худой, зеленый, тоже пришел к Маниным родителям, но с ним вообще не стали говорить.

...Перед отъездом Макса Маня защищала диплом и плохо помнит, как вообще, ей это удалось. Она ходила и делала всё, как сомнамбула, и не реагировала уже ни на что абсолютно, кроме Макса. Он сказал:

– Я пришлю тебе вызов и ты приедешь ко мне, как невеста, Твои родители должны понять и подписать разрешение. Они поймут, вот увидишь. Ты приедешь ко мне в Америку и мы поженимся.

Это был 1977 год.

Глава 3

Она сидела на балконе с сигаретой и чашкой кофе. Перед ней торчала пальма и своими жестяными листьями закрывала обзор. Да и что там обозревать, в этом Яффо?

Арабские подростки орали дурными голосами, гоня по улице под домом несчастную собаку и улюлюкая ей вслед. А потом начали окружать и швырять в неё камни. Собака завывала, заметалась.

– Эй, придурки, оставьте собаку в покое, – крикнула Маня на своем начальном иврите. И тогда камень полетел в нее, но стукнулся о перила балкона. – Я звоню в полицию, – она показала им мобильник и стала тыкать в кнопки. Сводные братья что-то прокричали ей на своем языке и снова ударился камень о перила. Но они всё-таки удрали, а дворняга поковыляла в другую сторону.

«Все равно они её убьют, – подумала Маня, – не сегодня, так завтра, как Кирюшину черепашку. Господи, что за ублюдки! Откуда такая ненависть ко всему? Какой может быть мир, когда они растут и тренируются убивать кошек и собак, а потом людей, за то, что они другие? А ты, великий наш, всевидящий и всемогущий Бог, всё обещаешь, что мы с ними договоримся?»

Вопрос был риторический и ответа не предполагал.

В Яффо был их «первый дом на Родине», так трогательно называлась двухкомнатная съемная квартира за пятьсот долларов в месяц. Район не ахти, кругом арабы, а маклер, который им эту квартиру нашел и жил в том же доме, был редкой сволочью, даром, что «наш». Он особенно как-то не любил детей, Кирюша его раздражал, и этот тип как-то сказал Мане:

– Объясните своему ребенку, чтобы он не плакал при открытых окнах, это мешает жильцам. Все думают, что мальчика бьют.

– Это мешает тебе, – сказала Маня, – и ты прекрасно знаешь, что никто его не бьет. Мы целый день работаем, а Кирюша один дома после школы. Он ещё не привык, ему плохо одному, вот он и плачет. Он приходит из школы в час дня, а я с работы в два. И ты каждый день это видишь. А если ты, зараза, ещё хоть раз сделаешь ему замечание или какую-нибудь пакость устроишь с полицией или соцработниками – пеняй на себя. У тебя детей нет, Бог тебе их правильно не дал, и тебе не понять, что это такое – когда ребенок сидит один в пустой квартире и не смеет выйти во двор, потому что здесь его ждут «любящие» арабские братья. Тебе не понять, что чувствую я, представляя, как он с ключом на шее, идет домой, где не мама ждет, а записка на холодильнике, а мама в это время убирает чужие квартиры. И не смей ко мне больше приближаться на пушечный выстрел, иначе я твою рожу ой как попорчу!

Он затаился, но когда уже истекал срок аренды, не спрашивая, остаются они здесь или нет, привёл новых жильцов. Тогда Маня ещё не знала, что никто не имеет права насильно выселять из квартиры, пока съемщики не найдут новое жилье, но интуитивно почувствовала, что она в своем праве и сказала:

– Мы с места не сдвинемся, пока не найдем другую квартиру, и попробуй только какую-нибудь гадость учинить – очень пожалеешь!

Хозяин квартиры жил за границей, ему было всё равно, кто платит, а Маня платила...

Квартиру она нашла в Рамат-Гане. Вменяемые отношения с мужем неуклонно стремились к нулю. Новая квартира не была отдельной, там уже жила молодая пара. Муж – врач-стоматолог, жена – учительница музыки. Тоже соотечественники. Манина семья вселилась в одну из двух комнат. И ещё у них была половина огромного балкона, отгороженная от другой половины перегородкой из гипса. Получилась ещё одна комната для Кирюши, благо балкон был застекленный и зимой там было не холодно. Маня ещё и обогреватель включала, так что Кирюша не мёрз. В общем, устроились как-то, но... «не было мира под оливами». Маня,

как черепаха, тащила на себе панцирь проблем и боли, понимая, что от себя не убежишь, что не квартиры менять надо, а от мужа бежать, но ещё, видимо, не всю цикуту она выпила, ещё трепыхалась где-то на доньшке души надежда, что всё изменится.

Нет, ну это какой идиоткой надо быть, чтоб еще с «совка», зная эту пагубу мужа, тащить его в Израиль! Хотя... кто кого тащил – ещё вопрос.

Муж у Мани был большой авантюрист. И вовсе не родной папа Кирюши, что вселяло в Маню оптимизм, исключаяющий генетическую предрасположенность сына к аферам. Биологический же папа Кирюши остался в далеком далеке, с ним Маня развелась, когда сыну было около трёх лет. Первый муж был моряк и пропадал в рейсах месяцами. Мане хотелось нормальной семьи, но с учетом мужниной профессии, это было невозможно, а вот родить она хотела очень. Но с этим возникли проблемы. То есть забеременеть – да, получалось, довести процесс до логического завершения – уже нет. Эта война с природой продолжалась не один год, но пока безуспешно...

С мужем Маня познакомилась случайно на какой-то вечеринке в его доме. Она в тот день аккомпанировала детскому хору в школе, где преподавала ее подруга Вика. Это был День учителя, и Вика, зная, что Маня играет, попросила её помочь с музыкальным оформлением детского концерта в честь учителей. Маня согласилась, провела несколько репетиций с детьми, отыграла концерт. Рояль, заваленный букетами, напоминал надгробную плиту. Вот с этими цветами, роняя их на ходу, они с Викой и пришли в тот дом, где Маня познакомилась со своим будущим мужем. Тогда он не был один. У него жила, как выяснилось тут же, Манина приятельница Юля. Как тесен мир! Маня знала, что у Юли роман с каким-то «мариманом» и очень этому удивлялась, потому что Юля была слегка не в себе, работала в Галерее изобразительных искусств, и вся ее надмирность, отстраненность и утонченность ну никак не вязались с образом шумного и грубого моряка, но это к слову...

Позже выяснилось, что и он не лыком шит. И семья у него – покойный папа-адмирал и всё еще живая мама-певица. Сева был единственным сыном своей мамы и третьим отпрыском покойного адмирала. В свое время Севина мама очаровала боевого моряка, а дело происходило во время войны. Она тогда приехала к своему первому мужу – начальнику штаба флота, а получилось, что не к нему, а к будущему Севиному отцу. Тогда всё делалось быстро – развелись, поженились. И вот она уже адмиральская жена – красавица с невероятными цыганскими глазами. А брошенная супруга адмирала и мать его старших сына и дочери застрелилась с горя. Дети к тому времени были уже взрослыми: старший сын – курсант военного училища, дочь шестнадцати лет. Ясно, что к мачехе они испытывали разные чувства, но любовь в их перечень не входила, что и понятно.

Вот такая история предшествовала рождению Севочки. Но где написано, что любовь вырастает только в хорошо ухоженном саду? Маня свою свекровь не судила. Адмирал до конца жизни боготворил красавицу-жену и обожал сына. А однажды приехал в Москву, навестить дочь, и вместе с ней, в машине с открытым верхом поехал на Красную площадь: он стоял в машине, потянулся рукой, чтобы снять фуражку, рука упала, и адмирал рухнул, как подкошенный. Умер он, как и жил – ярко и быстро. И было ему всего 58 лет. Вдова осталась одна с 12-летним сыном, которого скоро отдала в интернат для детей комсостава флота, элитный, надо сказать, но всё-таки, интернат. И одна не осталась, а каким-то образом опять с ней рядом оказался первый муж. Так и жили, пока он не отошел в мир иной.

К тому времени Севочка вырос в красивого и неглупого парня, девушки ходили за ним табунами. Он был так избалован их вниманием, что не давал себе труда даже ухаживать за понравившейся девицей. Они сами за ним ухаживали. Он закончил военно-морское училище, женился на хорошенькой и очень оборотистой дочери армейского полковника, родил сына и вскоре развёлся, а она без особых страданий тут же снова вышла замуж.

Вот тогда у Сева появилась Юля, эстетка, припорошенная музейной пылью и с таким прибабахом, что он понял одно – «надо бечь». Но бежать было некуда, кроме как в море, потому что Юля уже поселилась у него в доме и пугала адмиральскую вдову своими нетривиальными фобиями. Пока Сева спасался в рейсах, Юля оставалась с его мамой в огромной квартире, унаследованной семьей после смерти адмирала. Она расхаживала по комнатам абсолютно голая, вгоняя в ступор потенциальную свекровь, плакала, жгла на сковороде котлеты и оставляла в ванной мелкие предметы интимной гигиены.

– Деточка, – мучительно краснея, говорила ей адмиральша, – это надо выбрасывать в мусорное ведро. Информировать меня о твоих женских неожиданностях абсолютно излишне.

Юля начинала бурно рыдать и кричала:

– Немедленно выключите свет, пусть будет темно и тогда вы ничего не увидите! Что вы от меня хотите? Где ваш сын? Я вас спрашиваю, где ваш сын?

Адмиральша спасалась бегством в свою комнату и сидела там, как мышь – тихо-тихо, в душе обращаясь к Богу за избавлением от страданий. Но то, что Юля была ей послана в наказание за грехи, ясно было и без Бога.

Юлина мама приезжала по звонку затюканной адмиральши и срочно определяла Юлю в психушку. Там она отлеживалась некоторое время, а когда наступала ремиссия, её выписывали и некоторое время Юля была тиха и адекватна. И даже ходила на работу в свой музей. Однажды, придя из очередного рейса, Сева не застал маму дома. Юля сидела в полной тьме на кровати и пела что-то грустное. Тут-то он и понял – приехали...

– А где мама? – спросил морской волк.

– В больнице, – певуче ответила Юля, – я ее навещаю, еду ношу.

Ясно было, что никуда она не ходит, а готовить она и вовсе не умела. Тогда Сева позвонил Юлиной маме и сказал:

– Евгения Николаевна, это Всеволод. Я сейчас дома. С Юлей что-то не в порядке, а мама в больнице и я...

– Я сейчас приеду, – быстро сказала Юлина мама, – будьте дома, ради бога, не оставляйте Юлю одну.

Она приехала, рассказала нашему моряку всё как есть, потому что, странным образом, все Юлины перемещения в психушку и обратно, происходили в его отсутствие, а когда он возвращался, Юля была в относительном порядке, ну, странная, конечно. А кто не странен? Ему и так хватало заморочек с ней, и его мать видела, что ему тяжело, но он, вроде, любил Юлю и мама молчала, не рассказывала – ни о Юлиных нудистских эскападах, ни об остальном. Мудрая была женщина, всю тяжесть Юлиной больной психики приняла на себя. Искупала вину перед погибшей первой женой адмирала? Неведомо, и уже не узнать...

Глава 4

Севи́на мама лежала в больнице Четвертого Санупра, там, где лечился весь комсостав флота с чадами и домочадцами. Юлю снова увезли в скорбный дом, а Сева остался один.

Но все это случилось гораздо позже. А сейчас Вика распахивала букеты в ведра и вазы, оживленно рассказывала о школьном празднике, и вдруг, повернувшись к Мане, сказала:

– Сыграй что-нибудь такое... – она прищелкнула пальцами.

Маня окинула взглядом гостей, стол и поняла, что Чайковского играть не будет – не та аудитория. «Yamaha» стояла с открытой крышкой, Маня присела на табурет, погладила клавиши и заиграла «Ямщик, не гони лошадей», ну и запела, конечно. Разговоры за столом стихли сразу. Потом был любимый Манин романс из «Дней Турбиных», «Калитка», ну, в общем, обязательный застольный репертуар. Сева потом говорил, что с этого всё началось. Но ещё очень далеко было это «потом».

Юля в конце концов исчезла из Севиной жизни, а Маня появилась, правда, появилась несколько раньше, чем исчезла Юля, но никаких «таких» отношений с Севой не было. Маня просто помогала, наравне с той же Викой или Соней (ещё одной подругой). Они готовили для Юли и Севиной мамы по очереди, убирали квартиру, ходили за покупками. Маня жила напротив Севы, через площадь, и ей было удобнее забегать и приносить покупки, и чаще других стоять у плиты, пока Сева мотался – то в психушку, то к маме в больницу, и не очень-то сообщал, что вообще происходит. А происходило...

Однажды Сева вдруг понял, что ему никак Маню потерять нельзя. Вот всё кончится, мама вернется домой и Юля... к своим родителям, только бы Маня не исчезла с горизонта.

И Маня уже всё про себя знала. А ещё... Она поняла, что окончательно расстается с Максом.

От Макса не было за год ни одного письма, кроме первого, сразу по приезде в Америку. Когда он уехал, у Мани началось какое-то тихое помешательство. Она оставалась в редакции по вечерам, придумывала себе работу с письмами, доводку материалов. Кроме неё и дежурного по выпуску, никого в редакции не было и она сидела до темноты, а потом шла пешком через полгорода к дому Макса, садилась на скамейку на трамвайной остановке, что напротив, смотрела на окна его квартиры и представляла себя там, со всей семьей Макса. Ей было хорошо и уютно в этих фантазиях, потому что они были реальнее, чем вся её настоящая жизнь. Только... писем от Макса все не было. Она писала, как оглашенная, почти каждый день, и отправляла эти письма, и ждала ответных. Не было писем, хоть умри. Тут у нее подошел отпуск, и родители срочно отправили её в Ленинград, к двоюродной сестре, для смены обстановки.

Семейка у Ленки была та еще: муж, две дочки тинейджерского возраста и свекровь. Ленкины девчонки были умненькие, острые на язык и вечно оспаривающие друг у друга какие-то, одним им известные, права. Любящий и добрый папа был самым спокойным в этом вечно жужжащем улье, но и его иногда доставали, а бабуку – так ту и вообще за человека не считали. Ленка разрывалась между всеми, срываясь – тоже на всех.

Маня приехала и сразу вплелась в сложный узор отношений, оказавшись в самом эпицентре бурной жизни этой «итальянской» семьи. Но ей всё нравилось здесь...

У себя дома она тыкалась, как спящая рыба, в стенки своего мутного аквариума, родители разговаривали с ней тихо, во всём соглашаясь, о Максе не произносилось ни слова. И она постепенно выпадала из нормального обращения, съеживалась, свертывалась, как сухой палый лист. Усыхала вся – и внутри, и снаружи.

Была младшая сестренка у Мани, и как это к слову не пришлось до сих пор? Была сестра Верочка, но как-то так сложилось, что не получилось у них с Маней близости, даже по закону

родства. У Верочки была своя жизнь. Восемнадцать лет – такой возраст – не до сестры, хоть бы и умирающей от тоски по любимому человеку. Вообще, странно, Верочка, как будто, не участвовала в этом горьком сценарии под названием «Манина любовь». Она, конечно, всё видела и знала, но ее молодой эгоизм был такой мощной силы, что не оставлял пространства для сострадания, а Маня, в своей мУке и почти уже нежизни, ничего и не ждала от младшей сестры; она, впрочем, ни от кого ничего не ждала.

И тут эта поездка в Питер, Ленкина чокнутая семейка, какой-то забубенный табор, все орут, никто друг друга не слышит. В комнате у девчонок просто хаос – и как они всё находят там, непонятно. Маню сразу определили к делу – она стала третейским судьей в девчонкиных стычках и «жилеткой» для Ленки. В этой веселухе находилось место всему, и Маниной тоске тоже. Вот уж Ленка-то её лечила, так лечила. И выслушивала, откуда терпение только бралось, все Манины горестные монологи не по одному разу (непонятно, кто для кого был «жилеткой»). И слезы, и сопли утирала, и кормила-поила. Водила в театры, таскала по магазинам и салонам... А потом познакомилась с Мишкой. Это был абсолютно ненормальный мужик, старше Мани, даже трудно сказать – на сколько; с лохматой седеющей шевелюрой, такой же бородой, жёлтыми прокуренными зубами, вечно вылезавшей из брюк майкой. Обувь как аксессуар не угадывалась. На ногах было нечто, но это нельзя было назвать обувью в общепринятом смысле. Мишка был громкий, грубый, и какой-то дурной, хоть и умный. Он Маню просто гипнотизировал своей непохожестью ни на кого. И когда он на нее смотрел, немного коровьими печальными глазами, Мане хотелось почесать его за ухом и как-то успокоить, что ли, чтоб так надрывно не смотрел.

В общем, случилось то, что случилось, и Маня даже не испытала никаких угрызений совести, потому что Мишку можно было воспринимать только в одной плоскости – горизонтальной. Он, как только в первый раз пришел, и Маня его увидела, был, как будто, с тавром на лбу. Там читалось одно слово – койка. Это произошло у Ленки в квартире, когда все разбежались по своим делам, и даже Ленкина свекровь куда-то утопала, а Мишка пришел и без лишних слов навалился и смял Маню, как фантик от конфеты. И это было, как... в общем, «гусары денег не берут»! А ей и не надо было серьезных отношений. По большому счету, и того, что случилось, тоже не надо было. Но – случилось. А потом случалось ещё и ещё. Однажды – у него дома, причем, его мама в это время тоже была там, и, конечно, к происходящему не могла отнестись безучастно. Она несколько раз проходила мимо закрытой двери в Мишкину комнату, и тогда Маня деревенела, а Мишка начинал дико ржать. Мама произносила две фразы, но каждый раз с интонациями, нарастающими «крещендо»:

– Нельзя ли потише?! Вы не одни!

После первого же мамочкиного демарша Маня попыталась удрать, но Мишка сказал:

– Не дергайся, это она от зависти, – и снова заржал. Ну – гусар, что с него взять?

В общем, Маня в Питере отбилась. Вся эта кривая-косая связь оборвалась, как только она купила билет на самолет. Она себе сказала: «Всё. Ничего не было. Если начнутся письма – отвечу пару раз и закруглю. Тут все ясно. У него таких, как я, воз и маленькая тележка. Я, может, только помоложе остальных, а может, и не всех. Ну и ладушки». К Максусу это не имело никакого отношения. Это было Манино зазеркалье.

Были потом письма от Мишки, да, были и ответные. И быстро, так как Маня хотела, закруглить не получилось. Что-то было в этом придурке, какой-то манок. И дело не в том, что между ними случилось. Мишка был шут при короле, вот что! Ему позволено было многое, и вот эта его бесшабашность и безнаказанность, Маню просто заворожили. Таких оторв она еще не встречала. Вся Мишкина брутальность вписывалась в Манину новую картину мира по принципу «чем хуже, тем лучше». Она понимала только одно – весь её ресурс любви так до основания вычерпан, что ни на кого больше не осталось. А если так, то ведь совершенно неважно, кто будет рядом, лишь бы не сволочь. Мишка сволочью не был, но она с ним ничего

не связывала в будущем, потому что, всё-таки, того что было в Мишке, оказалось недостаточно для просто жизни. Потом, постепенно, всё сошло на нет.

Ленка в телефонном разговоре как-то сказала, что он женился, потом, через несколько лет его жена умерла. Маня была уже замужем, и все эти новости её совершенно не тронули.

Глава 5

Замуж Маня выходила тоже не как все люди. Вообще, после отъезда Макса, что-то в ее жизни сдвинулось за грань ее же собственных представлений. И в этой жизни она ощущала себя не участником событий, а наблюдателем и немного кукловодом. Нет, не Карабасом-Барабасом, потому что жестокости не допускала, – она просто выстраивала ситуацию по своей драматургии, учитывая тайные, как им казалось, желания участников. Эти желания сбывались, Маня только придавала им направление и ускорение.

Сева долго ходил вокруг да около, и Маня решилась. Она однажды, после очередной вахты на кухне, подзадержалась дольше обычного. Устала, прилегла отдохнуть, хотя могла бы уйти, как делала раньше. Сева был у мамы в больнице, а когда вернулся, увидел спящую Маню на маленьком диванчике в гостиной. Трудно сказать, что подтолкнуло его к решительному объяснению: может вид спящей вызвал у него умиление, может, ещё что-то, но Сева, наконец, заговорил по делу...

Маня спросонья сначала не поняла, что происходит, а потом увидела на своем плече Севину руку, баюкающую её, как ребенка. Тут она и вспомнила, что решила довести до логического финала эти «высокие» отношения и лукавство с собой, – имея в виду дикую усталость и желание только прилечь. А Сева уже всю читал текст ее сценария:

– Маня, я давно хотел сказать... В общем, это, конечно, глупо... Мне тридцать шесть лет, я был женат, у меня сын. Ну, это ты всё знаешь. У нас с тобой разница в одиннадцать лет. Может, рано об этом говорить. Я не знаю, как ты отнесешься... Всё так запуталось. И Юля вот... Не знаю даже, как это всё...

Маня устала. Пора было дергать за ниточку. Она сказала:

– Сева, остановись. Послушай, мне твоя благотворительность не нужна. Я понимаю, что ты благодарен за помощь, но этого мало для того, о чём ты говоришь. поэтому остановись...

– Нет, нет, это... Нет, Маня. В общем, когда ты тут пела и играла, помнишь, я подумал, что это должно в моей жизни остаться, я не могу объяснить... У меня тогда не было времени с тобой поговорить. Видишь – такая заваруха с этими больницами. И только сейчас вот... Маня, я о любви не умею. Ты выйдешь за меня замуж?

– Выйду, конечно. – Маня была странно спокойна, может быть, потому что ждала и знала об этом уже давно.

Но не тут-то было. Манины родители обладали просто феноменальным нюхом на любое отклонение от семейных установок и правил. А в Манином случае – особенно. Они и так стерегли каждое её движение не в ту сторону. А тут почуяли, что она и вовсе выпряглась и бежит рядом с телегой, всё больше от неё удаляясь. И тогда папа с мамой устроили за ней банальную слежку.

В один из вечеров Маня осталась у Севы. Манины родители знали, что вечером у неё обычное дежурство по кухне в Севином доме, а потом она едет ночевать к подруге. Но что-то не давало покоя Маниной маме. В последнее время дочь зачастила к подругам, которых раньше не видела месяцами, правда, ночевать не оставалась, а теперь, значит, вот так...

– Нет, – сказала мама папе, – что-то здесь не то. У нее кто-то есть.

– Наверное, – сказал папа, – девица-то уже не маленькая. Гуляет где-то.

– И спит с кем-то, – в тон ему ответила мама. – И я даже, кажется, знаю с кем! И если это так, то я им всю эту разлюли-малину оборву и поломаю.

Вот это они умели – обрывать и ломать. Потом Маня узнала, как хорошо они это умели. Короче, Севу они вычислили моментально, да тут и вычислять-то было нечего. Маня, при всей своей новой жизненной установке, шлюхой не была и мужиков каждый день не меняла. Сева

и был-то один на горизонте, поскольку никаких других имен ни в одном разговоре не мелькало, а время по вечерам было занято только помощью и подружками.

Жил Сева в доме напротив – площадь перейти. Вот туда, в ночьИ, и отправились Манины родители, разумеется не прямо домой, а караулить у дома. Ну, а там – по обстоятельствам. Хотя понятно, какие обстоятельства могли бы сложиться, и какая карта Мане маячила. Разумеется, джокер! А как иначе – вся её новая жизнь была клоунадой и шутовством! И уже во второй раз в ней сверкнули штыки и копья, направленные в сторону возможных претендентов на руку и, не дай бог, сердце Мани. Оружие направлялось родными людьми, которые искренне верили, что хотят добра своей непутовой дочери. От их зашоренности у Мани сводило скулы. Интересно, как они умудрились двоих детей родить? И, между прочим, мама вышла замуж в двадцать два года. Мане было двадцать пять, а её держали за малолетку и попросту отказывали в самом главном – в возможности быть счастливой. Отказывали уже второй раз. А называлось это «ограждать от ошибок». Но тут им не обломилось, потому что Сева тоже быстро их просчитал. Что-то, видимо, померещилось ему в окне, когда он ходил на кухню за апельсиновым соком для Мани. Он пригляделся из темноты к двум силуэтам, маячившим на углу дома, и узнал Маниных родителей.

– Так, – сказал будущий муж, вернувшись к Мане, – ты только не паникуй. Там, внизу, твои родители. Тебя караулят. Если у них терпение лопнет – могут и сюда подняться, и тогда получится чёрт знает что, потому что завтра я хочу идти к ним просить твоей руки.

Вот так старомодно и сказал – просить руки. И это было смешно при имеющихся обстоятельствах...

– Если они сюда придут, то мой завтрашний визит будет выглядеть вынужденным, тем более, я не уверен, хотят ли они меня в качестве зятя.

Как в воду глядел – они его, конечно, не хотели. Но это он узнает только завтра.

– Вот что, я сейчас вызову такси, оно заедет во двор, ты сядешь в машину. Потом сделаешь круг и подъедете к твоему дому с другой стороны, как будто ты вернулась откуда-то. Не дрожи, все будет хорошо. Вот деньги, заплатишь, сколько скажут.

Маня во время этих Севиных стратегических выкладок не проронила ни слова, но поняла, что он гений! И еще она поняла, что свободна от тягостной зависимости. Ей необходим Сева, такой родной, понятный и надежный...

Когда таксист лихо затормозил возле Маниного дома со стороны Круглой площади, она увидела из окна машины, что родители, как по команде, повернули головы на звук, а потом и Маню увидели, выходящей из такси. Маня открыла парадное и у нее был секундный соблазн обернуться и показать родителям язык. Она побежала вверх по лестнице, открыла дверь и вошла в квартиру. Маня, не торопясь пила на кухне воду, когда зашла мама.

– Ты дома? – удивилась мама.

– Только что вошла, – честно сказала дочь.

– Да? А мы с папой решили перед сном немного пройтись, подышать. Но ты же собиралась остаться у Аллы на ночь.

– Собиралась, но вспомнила, что завтра рано в редакции надо быть. А от Алки добираться долго, и выспаться надо.

– Ну, что ж, иногда ты мыслишь здраво, – мама изучающе посмотрела на Маню.

У Мани аж зубы свело от этого её тона, и захотелось всё рассказать, не щадя её ушей, и посмотреть на её лицо в процессе узнавания правды. Но Маня благоразумно подавила этот порыв и пошла спать, по пути пожелав папе спокойной ночи.

На следующий день Сева позвонил и попросил у папы разрешения прийти для серьезного разговора. Разрешение было получено, и до прихода Севы мама просто извелась, выпрашивая у Мани, что бы это значило. Маня молчала и только таинственно улыбалась. Последний дурак

догадался бы. Но у мамы как отшибло! Куда подевалась вся её пронизательность! Зато папа, видимо, давно всё понял, но тоже молчал. Он только зашёл к Мане в комнату и спросил:

- Что он пьет – водку, коньяк, вино?
- Не знаю, – пожалала плечами Маня. – Наверное, всё.
- А то без спиртного такой разговор не получится, – сказал папа.
- Какой? – улыбнулась Маня.
- Такой... серьёзный, – сказал папа и вышел.

К вечеру мама уже, наконец, по некоторым признакам, догадалась, что к чему. Маня оккупировала ванную и целый час лежала во взбитой пене, как Афродита. Потом она долго выбирала, что надеть. Остановилась на мешковатом джемпере цвета blue marine, натянула «тёртые» джинсы и сотворила на лице «большой парад», а папа, взглянув на Маню, сказал:

- Ну и ну, два часа у зеркала, а на лице ничего, хотя выглядишь отлично.
- То-то и оно, папуля, в этом-то всё дело, – загадочно произнесла Маня.

Мама критически оглядела дочь и выдала:

– Ты похожа на бедную студентку из глубинки, которую подружки по общежитию нарядили кто во что горазд, чтобы она на танцульках в клубе хоть с кем-нибудь познакомилась.

Маня всегда знала, что на мамин специфический вкус должна выглядеть по принципу «яблоко от яблоньки». Мамины эстетические привычки выковывались в далеких 1950-х, под влиянием кондовых государственных установлений и запретов, когда Московский фестиваль молодежи и студентов 1957 года воспринимался советским большинством, как навязывание западной идеологии. И эта «охота на ведьм» – стилинг, отлавливание нестандартно одетых и причесанных парней и девушек, комсомольский патруль с ножницами, кромсающий волосы на головах у пойманных «поклонников Запада» – всё это считалось нормальным. «Девушку украшает скромность» – до сих пор читалось на мамином аскетичном лице.

- Мам, можно я сама решу, как мне выглядеть? – кротко спросила Маня.
- Да, конечно, что ж поделывать, раз вкуса нет, – вздохнула мама.

...Севины чудесные розы были милостиво мамой приняты и одобрены, и даже поставлены в самую красивую и большую вазу. Конфеты и коньяк заняли место на столе. Коньяка получилось много, включая папин, с него и начали. Маня абсолютно не пила. У неё с алкоголем были сложные отношения. Ей становилось плохо от первой же рюмки и начинался отёк гортани, который можно было снять, только наглотавшись ледяных кубиков из морозилки. Поэтому она, раз познакомившись с такой своей особенностью, без печали отказалась от алкоголя. Для веселья у неё имелась масса других способов...

Сева, от волнения, заговорил с места в карьер. У Мани ещё даже не оформилось настроение для разговора. Но Сева был напорист и отступать не собирался.

– Майя Михайловна, Борис Наумович, я пришел просить руки вашей дочери и очень надеюсь, что вы мне не откажете. Мы с Маней друг друга любим и хотим быть вместе.

Лаконично, четко, по-военному. Это Манина мама любила. Была только одна закавыка – она не хотела видеть своим зятем траченого тридцатилетнего мужика с опытом неудачной семейной жизни в прошлом. И в этом случае ситуацию ничем нельзя было подсластить. Отблеск золотых адмиральских погон Севиного папы Манину маму не слепил, а даже наоборот – пугал. Она не хотела, чтобы «люди говорили», что Маня вышла замуж за статус. Честным советским людям не пристало цепляться за чужие регалии и звания, надо всего добиваться самим, и стартовая площадка успеха не должна быть усыпана чьими-то привилегиями и заслугами. Вот так думала мама и бог ей судья! Папа все это быстренько на лице у мамы прочитал и сказал:

– Что ж, Всеволод, – вы, я вижу, человек серьезный, и я бы с радостью готов был ответить согласием, но... – тут папа, видимо, от большого умственного и душевного напряжения, опрокинул в себя стопку коньяка, подождал, пока теплый шарик скатится в желудок, прислушался

и продолжил, – мне кажется, что вы с Маней немного поспешили. Надо бы лучше друг друга узнать. Как долго вы знакомы?

– Четыре месяца, – отрапортовал будущий зять.

– Это, на мой взгляд, недостаточный срок, чтобы решиться на такой ответственный шаг, – папа был мудр, как змей и лукав, как чёрт. Он знал, что через месяц Сева уходит в рейс, что его не будет, минимум, полгода, а за полгода может произойти что угодно. И ещё он знал, что в ЗАГСе надо ждать три месяца, а этого времени у Севы с Маней не было. Мама была менее категорична:

– Знаете, Севочка (тут Маня чуть не свалилась со стула), мне кажется, что Маня ещё не очень готова к такому серьезному шагу.

Маня томилась стыдом и злостью. Так хотелось сказать им пару тёплых слов, включая претендента, но она сдержалась. Пусть продолжают, а она, когда надо, дернет за ниточки и все эти марионетки будут делать то, что им велит рука кукловода.

– Но, Майя Михайловна, – Сева был терпелив, несмотря на явное желание Маниных родителей поскорее закончить эту встречу, и понимая, что его откровенно не хотят, – Маня взрослый человек. Она же не со школьной скамьи выскакивает замуж.

– Ещё не выскакивает, – вставила мама свои «пять копеек».

– Вот именно! У неё институт за плечами, она хороший журналист. В плане карьеры всё в порядке. Что мешает?

– Борис Наумович правильно сказал, надо лучше узнать друг друга.

Вот на этом самом месте Маня и вступила.

– Дорогие родители, – сказала она. – И Сева... У меня есть альтернативное решение. Я думаю, ты не откажешься, Севочка, чтобы я пожила у тебя до свадьбы. Заодно мы друг друга узнаем лучше. Когда ты уйдешь в рейс, я останусь с твоей мамой. Ей ведь все равно нужно, чтобы кто-то был с ней рядом. Так почему не я? Я могу работать из дому. У меня есть такая возможность. Вот и не будет никакой спешки с женитьбой. Вернешься из рейса – поженимся.

Она знала, что делает. Когда она сказала о совместной жизни с мамой, в глазах у Севы мелькнула какая-то странность. На это и было рассчитано. Он еще не забыл о Юле и ее отношениях с адмиральшей. Здесь, конечно, совсем другое, но его мама с нормальным человеком не будет такой пугливой серной! Она властная, капризная. Сева свою маму хорошо знал. Юлю она боялась, а Маню перекусит и проглотит, не поперхнувшись. Маня его страхов не разделяла. Но Сева не мог и не хотел допустить такого поворота событий. И отступить тоже не собирался.

– Я сегодня же поговорю с мамой. Мы сейчас вдвоем поедem к ней в больницу.

Родители онемели, папа опрокинул в себя очередную стопку коньяка. Сева тоже потянулся к бутылке.

– Я думаю, – сказал он, наливая себе коньяк, – мама будет только рада. Она знает, что я у вас сегодня, и ждет результата. Мне бы её расстраивать не хотелось, учитывая её состояние.

Мама очнулась и неуверенно произнесла:

– А как же не расписанными? Что люди скажут?

– А мы никому говорить не будем, – Маня улыбнулась и встала. – Ну что, поехали в больницу? – не давая родителям опомниться, сказала она.

Сева тоже поднялся, поцеловал Маниной маме ручку, пожал руку папе, и они ушли. Вся эта дурацкая клоунада так подействовала на Маню, что она, выйдя за порог, сказала:

– Я никуда не поеду. Они нам не дадут пожениться. Вот сейчас они очухаются и что-нибудь придумают эдакое. В моей жизни уже было что-то подобное, повторения я не хочу. Надо ждать – будем ждать.

Будущий муж растерянно остановился:

– Ну хорошо, идём ко мне, посидим, успокоимся, что-нибудь придумаем. Но ты-то согласна выйти за меня замуж?

– Я еще вчера тебе ответила. Ничего не изменилось. Но против них мне не выстоять. Придется их условия принять.

– И не подумаю, – буркнул Сева.

Они уже поднимались по лестнице, когда услышали, как в Севиной квартире звонит телефон. Они побежали, успели открыть дверь и Сева схватил телефонную трубку. Звонили из больницы, сказали, что Ядвиге Борисовне очень плохо, и похоже, что это всё. Надо приехать.

– Едем, – сказала Маня, – я тебя одного не отпущу.

Глава 6

Ядвига Борисовна лежала и смотрела на них абсолютно живыми глазами.

«Слава Богу, – подумала Маня, – может, обойдется».

– Мне уже лучше, – сказала адмиральша своим обычным голосом, – хорошо, что вы вдвоем приехали. Я тебя, Сева, в надежных руках оставляю. – и она положила свою ладонь на Манину руку и чуть сжала. – Ты, дорогой мой не хмурься, послушай, что я скажу. Вам надо скорее пожениться, и это не мой каприз. Я уже отсюда не выйду... Не вскидывайся, сын, слушай. И ты, девочка, тоже. Квартиру могут отобрать, потому что, когда я умру и ты останешься один, у тебя не будет оснований для того, чтобы жить в такой большой квартире, а если женишься – дело другое. Там уже появятся перспективы – молодая семья, дети пойдут. Я уже поговорила кое с кем, и вас не тронут, но только при том условии, что вы быстро зарегистрируетесь. Ну, всё, всё.. Не смотри на меня так, я пока ещё жива. Но мой миелолейкоз меня уже доедает. Сынок, вот что ещё...

Она перестала обращать внимание на Маню, как будто её здесь не было и продолжала теперь говорить только с Севой:

– Сейчас ты поедешь домой и привезешь мне мою «беретту». Я этого говенного конца ждать не буду. Всё.

И она отвернулась к стене. Маня смотрела на Севу во все глаза. Сева побледнел, но когда отвечал, голос у него был твердый и ровный: «Хорошо, мама».

«Неужели привезёт?» – Маня не верила тому, что услышала, но верить приходилось. Адмиральша не шутила. Тут Маня и увидела её характер. Да, эта женщина слабой не была, что бы о ней ни говорили, а говорили много разного, но слабой она точно не была.

– Ну, идите, детки, – не поворачиваясь, уже мягче сказала она. – Дай Бог вам счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.